

штедт опубликовал в виде отдельной статьи или заметки свои соображения на этот счет⁴⁰.

Другое пожелание, которое нам хотелось бы выразить, заключается в том, чтобы при дальнейшей публикации коптских текстов (в частности, остался неопубликованным ряд эрмитажных папирусов — см. предисловие к КТГЭ, стр. 3) П. В. Ернштедт добился бы включения большего количества фотографий текстов. Наличие достаточного числа фотографий, по которым читатель мог бы следить за обстоятельными и тонкими палеографическими наблюдениями П. В. Ернштедта, в значительной мере способствовало бы использованию этих весьма ценных изданий еще с одной точки зрения, а именно как пособия по коптской палеографии.

Опубликование рецензируемых изданий представляет собой крупное событие в истории советского (и не только советского!) коптоведения — мы говорим коптоведения, а не коптской папирологии, так как в силу богатства и разнообразия текстов и комментария издания затрагивают огромный комплекс вопросов, относящихся ко всей области коптоведения.

Главная заслуга принадлежит, конечно, П. В. Ернштедту, но думается, было бы уместно помянуть добрым словом О. К. Ернштедт, оказывавшую издателю повседневную помощь в процессе подготовки книг к печати, и ответственного редактора обеих книг академика В. В. Струве. Было бы весьма желательно, чтобы Отделение литературы и языка АН СССР, способствовавшее изданию рецензируемых книг, нашло бы возможным издать и другие, ждущие своей публикации труды П. В. Ернштедта

М. Э. Матье, И. Ф. Физман

А. И. КЛИБАНОВ. РЕФОРМАЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В XIV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. М., 1960

Среди ряда исследований по истории русских еретических движений XIV—XVI вв., написанных за последние годы советскими историками и литературоведами (работы Н. А. Казаковой, Я. С. Лурье, Л. В. Черепнина и др.)¹, особое место занимает книга А. И. Клибанова.

В этом фундаментальном труде сделана убедительная попытка нарисовать картину развития реформационных движений на Руси с XIV по середину XVI в. Необходимость решения этой задачи объясняется прежде всего тем, что в дореволюционной литературе бытовала мысль о коренной противоположности путей развития русской общественной мысли, косневшей в церковной схоластике, и западноевропейской, освоившей в годы Возрождения и Реформации громадный запас античной образованности. Эти же антинаучные построения усиленно повторяют и современные зарубежные буржуазные историки и философы (В. Филипп, В. Зеньковский, С. Томпкинс и др.), считая, что Россия, не знавшая реформации и гуманизма, осталась чужда идеям свободы и суверенной человеческой личности. Если же некоторые из них вынуждены признать явления гуманизма и реформации на Руси, то стараются объяснить их исключительно иноземными влияниями².

Рецензируемый труд А. И. Клибанова, направленный своим острием против этой концепции истории русской общественной мысли, показывает, что и на Руси одной из форм «революционной оппозиции феодализму» (Энгельс) являлись реформационные движения.

Книга А. И. Клибанова состоит из трех частей. В первой автор рассматривает памятники русской реформационной мысли. До недавнего времени историки судили о взглядах русских вольнодумцев по сочинениям их идейных противников из числа

⁴⁰ Некоторые тексты можно датировать на основании указаний самого издателя. Так, например, КТГМИИ, 22, 24, 26 и 27 происходят из Файюма и относятся к VIII в., поскольку во введении к № 22 издатель отмечает, что письма № 22—27 «образуют группу, однородную в языковом, палеографическом и хронологическом отношении» (стр. 53), а № 23 и 25 датируются им VIII в. КТГМИИ, 56 следует, возможно, датировать VII в. — см. примечание к стк. 17/18 (стр. 127). КТГМИИ, 45, 47, 76, 77, 78 могут быть датированы по их связи с известным епископом Авраамом и т. д.

¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960; Л. В. Черепнин. Из истории еретических движений на Руси в XIV—XV вв. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. VII. М., 1959.

² G. S t ö k l. Das Echo von Renaissance und Reformation im Moskauer Rußland. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1959, Bd. 7, H. 4, S. 413—430.

воинствующих церковников. Высказывалось даже сомнение, что творения еретиков будут когда-либо открыты³. Однако А. И. Клибанов обнаружил, исследовал и частично издал ряд памятников, вышедших из еретической среды. В результате его работы наша наука обогатилась целым комплексом новых произведений, содержащих яркие антицерковные высказывания.

В первой главе А. И. Клибанов подвергает источниковедческому анализу так называемый Трифоновский сборник, написанный в 80-х годах XIV в. в Пскове⁴.

Еще А. Д. Седелников установил, что этот сборник является как бы рупором стригольнических идей⁵. Ядро сборника составляет так называемая Власфимия. А. И. Клябанову удалось установить, что старшая редакция Власфимии сложилась между 1274 и 1312 гг. и донесла до нас весь известный его составителю запас «древнерусских сочинений, так или иначе настраивающих на критику церкви» (стр. 28).

Для доказательства своего утверждения автор сравнивает Власфимию Трифоновского сборника с Соловецким сборником № 1194, где этот памятник представлен в более поздней редакции, сложившейся в княжение Ивана Калиты (1325—1340). Путем скрупулезного сличения памятников автору удалось установить, что более поздний редактор удалил из Власфимии ряд текстов, имевших явное антицерковное звучание. К Трифоновскому сборнику исследователи обращались и до А. И. Клябанова, стремясь найти в нем следы стригольнической письменности, но никто еще не ставил даже вопроса о наличии в нем значительного пласта антицерковных сочинений конца XIII—начала XIV в.

Благодаря неустанным поискам А. И. Клябанова обогатился и наш небольшой запас сочинений московских еретиков конца XV—начала XVI в. Автор рецензируемой монографии выявил и впервые изучил как памятники еретической литературы книги Ивана Черного (гл. II) (Еллинский летописец 1485 г., лествица Иоанна Лествичника и др.). Этот русский вольнодумец охотно применял для глоссы на полях своих рукописей особый вид тайнописи — пермский алфавит, возможно, в конспиративных целях. Эта особенность рукописи Ивана Черного, равно как и некоторые другие палеографические данные, позволили А. И. Клябанову с достаточной убедительностью связать с именем Ивана Черного и ряд других памятников (сборник библейских книг из собрания Ундольского № 1, книгу ветхозаветных пророчеств Ф. 1. № 3). В них были обнаружены и прямые антицерковные произведения (например, сочинение против монашества), и тексты книг священного писания, помеченные глоссами «зри», «удачно» и «дивно», которые использовались еретиками в их борьбе с господствующей церковью⁶. В сборнике библейских книг помещается перевод сочинения о мысленном рае, принадлежащего византийскому писателю Никите Стифату. Проникнутое духом мистико-аскетического богословия, это произведение ставит задачей доказать отсутствие «чувственного рая» и утвердить представление о рае как некоем духовном состоянии человека. В данном случае мы видим, как средневековая мистика использовалась в качестве средства для критики официальных догм православия.

Одним из руководителей московского кружка еретиков был Федор Курицын. В третьей главе А. И. Клябанов подробно характеризует памятник, вышедший из-под пера этого вольнодумца. Исследуя религиозно-философское содержание Лаодикийского послания Федора Курицына, автор приходит к выводу, что его мотивы «подобраны тенденциозно в духе реформационных идей» (стр. 66). Его центральный тезис — понятие «самовластие души» как основы религии. А. И. Клябанов высказал весьма вероятное предположение о принадлежности Курицыну грамматического трактата «Написания о грамоте», где развивается передовая для того времени мысль о том, что сила человека — не в сумме книжных знаний, а в его разуме. Да и сама «грамота построена от ума человеческого божим промыслом. . . И от грамоты учения и память, а крепость от ума».

Остается только пожалеть, что А. И. Клябанов специально не остановился на ряде памятников, которые косвенно отразили реформационно-гуманистические представления их авторов. Это — Повесть о Дракуле, создание которой исследователи вполне основательно связывают с именем Федора Курицына⁷, Кормчая его брата Ивана Волка Курицына⁸, а также Чудовская повесть (Основа Сказания о князьях

³ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II. М., 1900, стр. 605.

⁴ Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Новгородское софийское собрание, № 1262.

⁵ А. Д. Седелников. Следы стригольнической книжности. ТОДРЛ, т. I, 1934, стр. 136 и др.

⁶ Опубликовано А. И. Клябановым в приложении к кн.: Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодалные еретические движения. . . , стр. 280—299 (пермские глоссы), стр. 299—305 (сочинение против монашества).

⁷ Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба. . . , стр. 400—402.

⁸ Ю. К. Б е г у н о в. Кормчая Ивана Волка Курицына. ТОДРЛ, т. XII, 1956, стр. 141—159.

Владимирских), которая, по всей вероятности, сложилась в еретическом кружке, группировавшемся вокруг внука Ивана III — Дмитрия⁹. В последней, например, самая попытка связать происхождение русских государей с римским императором Августом отражала гуманистический интерес к римской истории, характерный для эпохи Возрождения. Идея самовласти человека, развиваемая Курицыным в Лаодикийском послании, получила публицистическое звучание в его же Повести о мунтьянском воеводе Дракуле.

Во второй части монографии А. И. Клибанов дает обстоятельную характеристику истории русских реформационных движений XIV — первой половины XVI в. Обычно, когда говорят о появлении ересей на Руси, начинают с рассказа о выступлении стригольников в Новгороде и Пскове во второй половине XIV в. А. И. Клибанов привел ряд данных, свидетельствующих о становлении антицерковных движений реформационного характера еще в конце XIII — первой половине XIV в., совпадающих с антифеодальными и противомонгольскими выступлениями в Новгороде, Ростове, Твери и других городах. Уже тогда начали складываться два пути ликвидации противоречий между обществом и средневековым православием: один путь — путь реформ «сверху», которые должны были обеспечить централизацию и упорядочение системы культа, ликвидацию наиболее вопиющих злоупотреблений духовенства. «Это, — пишет А. И. Клибанов, — была реформа, задуманная политическими верхами на чисто феодальной основе» (стр. 93). Другой путь разрешения противоречий, предусматривавший ликвидацию самой церковной иерархии и монашества на антифеодальной основе, являлся реформационным; его избирали представители демократических слоев русского общества, в том числе и социальных низов. Слабость русского реформационного движения XIV—XVI вв. А. И. Клибанов справедливо связывает со слабостью русского бюргерства того времени (стр. 93—94).

А. И. Клибанов показывает, что уже Владимирский собор 1274 г. и Переяславский собор 1312 г. созывались в обстановке подъема антицерковного движения, возглавлявшегося низшим духовенством. Смысл этого движения состоял в протесте против симонии («поставлен по мзде») и в требовании удешевления и демократизации церкви. Уже в это время появляются сочинения, в которых складывается понятие о «внутреннем человеке», начало того религиозного индивидуализма и рационализма, которое позднее найдет свое развитие у еретиков конца XV в. и особенно в «новом учении» Феодосия Косого. В Слове о живых учителях, написанном одним из авторов Власфимии, критика духовенства доведена уже до отрицания самого института церкви. В этом сказывался стихийный антицерковный протест демократических кругов русского общества.

Ко второй половине XIV в. относится возникновение ереси стригольников. Низшее духовенство и горожане, выступавшие против господствующей церкви в Новгороде и Пскове, были прямыми наследниками антицерковного движения первой половины века (стр. 122—123). В активную борьбу с русским вольномыслием уже в конце века включается константинопольский патриарх Нил, написавший около 1382 г. специальное послание с критикой стригольничества¹⁰. А. И. Клибанов предложил новую гипотезу, объясняющую название еретиков. «Термин „стригольник“, — пишет он, — служил, по нашему мнению, для обозначения причетника или мирского человека, присвоившего себе роль священника» (стр. 135). Ношение особой дьяческой стрижки (отсюда термин «стригольники») было для этих лиц символом принципиального отрицания священства как «тайнства».

До работы А. И. Клибанова фактически не было ничего известно об антицерковных движениях в Твери XIV в. Теперь же в тверской письменности можно обнаружить явные следы религиозного критицизма.

В полемике тверского епископа Федора Доброго с новгородским архиепископом Василием Каликой А. И. Клибанов находит отзвуки варлаамо-паламитских споров, происходивших в Византии во второй четверти XIV в. В своем послании в Новгород Василий Калика в духе реакционного учения Григория Паламы отстаивает зримость «царства божия», т. е. возможность опытного познания сверхъестественных явлений¹¹. В противоположность этому, Федор Добрый утверждал, что рай земной погиб и существует только как «мысленный», т. е. как духовное состояние человека. Он, следовательно, пытался рационалистически переосмыслить христианско-православное вероучение. А. И. Клибанов приводит ряд сведений (в том числе рассказ Никифора Григоры), свидетельствующих о попытке паламитов вовлечь русскую церковь в борьбу с Варлаамом (стр. 146). Примечательно и то, что Варлаам после своего отъезда из Византии сделался учителем Петрарки и Бокаччо, сыграв видную роль в становлении гумани-

⁹ Об этом см. А. А. З и м и н. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князях Владимирских» («Исторический архив», 1956, № 3, стр. 236—237).

¹⁰ РИБ, т. VI, стб. 183—188; Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения. . . , стр. 233—234.

¹¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 388—390.

стической мысли в Италии. Таким образом, «идеи Варлаама, — пишет А. И. Клибанов, — оказываются источником, общим для интересов итальянских гуманистов и передовых русских людей в первой половине XIV в.» (стр. 150—151).

В Твери во второй половине XIV в. выступает с критикой церковных институтов епископ Ефимий Вислень, хотя у нас сохранилось слишком мало известий для того, чтобы судить о характере его выступления. Современником Ефимия и псковско-новгородских стригольников был ростовский еретик Маркиан. Разбирая житие ростовского епископа Иакова (1386—1392), А. И. Клибанов устанавливает, что Маркиан был антиринитарием и иконоборцем. Вопрос о троице продолжал волновать русских вольнодумцев и в XV в. Уже псковские споры о «трегубой аллилуйе» в середине XV в., вызвавшие наступление Евфросина в защиту троицы, показывают, что этот догмат переставал быть религиозной аксиомой.

Наиболее широкая волна реформационного движения прокатилась по Руси в конце XV—начале XVI в. Наряду с Новгородом и Москвою, вольномыслием, как это можно судить по посланию Иосифа Волоцкого тверскому архиепископу Вассиану, была заражена в конце XV в. и Тверь, где еретики стремились «троицу утайти»¹². Избегает говорить о троице в своих обширных рассуждениях на религиозные темы тверской путешественник и писатель Афанасий Никитин.

В последние годы мужественный образ выдающегося русского мыслителя середины XVI в. Феодосия Косого привлек к себе внимание многих исследователей¹³. Однако и в этой теме А. И. Клибанов нашел новые аспекты, которые оставались вне поля зрения его предшественников. Пламенная проповедь Феодосия Косого была направлена против основ социального гнета и выражала интересы крестьянской и посадской бедноты. Противопоставление «разума духовного» «человеческому преданию», т. е. «святоотеческой литературе», сближало его учение с доктриной Томаса Мюнцера. А. И. Клибанов показал смелые рационалистические и материалистические догадки, которые высказывал передовой русский мыслитель середины XVI в.

Менее удался А. И. Клибанову раздел о новгородско-московской ереси конца XV—начала XVI в. Тщательно и последовательно описав историю столкновения еретиков с обличителями, автор недостаточно уделил внимания самой сущности реформационных воззрений русских вольнодумцев, разнице между новгородским и московским еретическими кружками. Правда, ряд глубоких замечаний на этот счет сделан автором по ходу изучения мировоззрения Феодосия Косого. Вместе с тем А. И. Клибанов отказался от специального анализа памятников обличительной литературы. Известные основания для этого он имел: эти источники явились объектом специального исследования Я. С. Лурье¹⁴. Но читатель книги о реформационной мысли в России хотел бы найти в ней ответ на вопрос о том, в какой мере сочинения идейных врагов ереси могут быть использованы для ее характеристики, какие приемы следует применять для критики пасквилей, выпешдших из-под пера Геннадия и Иосифа Волоцкого.

Третью часть монографии А. И. Клибанов посвятил гуманистическим идеям в русских реформационных движениях.

Самая постановка вопроса о наличии элементов гуманизма в России XV—XVII вв. чрезвычайно плодотворна: она позволяет понять общие пути развития культуры и общественной мысли как Восточной, так и Западной Европы. На это обратил внимание совсем недавно академик М. П. Алексеев в своем докладе на IV Международном съезде славистов¹⁵. В этой связи очень интересна попытка выяснить общие источники гуманистической мысли в России и некоторых европейских странах. Так, идеологи итальянского гуманизма Мирандола и Фичино черпали неоплатонические идеи из сочинений византийского писателя Псевдо-Дионисия Ареопагита. Псевдо-Дионисий и другие представители византийской патристики сыграли видную роль в ознакомлении русской литературы с греческой философской мыслью. Эта культурная база русского гуманизма, подчеркивает А. И. Клибанов, была более узкой, чем, например, в Италии, но игнорировать ее нет необходимости. Наряду с патристикой, на Руси были и другие возможности более непосредственного освоения античного наследия. Архиепископ Геннадий сообщает, что новгородские еретики интересовались, наряду с Псевдо-Дионисием, Менандром¹⁶, т. е. сборником правоучительных сентенций, извлеченных из псес

¹² «Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 142.

¹³ Р. Г. Лапшина. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 235—250; Д. К. Шелестов. Свободомыслие в учении Феодосия Косого. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. II. М., 1954, стр. 194—217; В. И. Корецкий. К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого. «Вестник МГУ», ист.-филол. серия, 1956, № 3, стр. 105—124 и др.

¹⁴ См. Я. С. Лурье. Идеологическая борьба. . ., стр. 95 сл.

¹⁵ М. П. Алексеев. Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси. М., 1958, стр. 38.

¹⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения. . ., стр. 320.

греческого драматурга IV в. Одному из ярчайших русских писателей-гуманистов первой половины XVI в. Федору Карпову были известны в подлинниках, переводах или извлечениях произведения Аристотеля, Гомера и Овидия¹⁷. Историческая и художественная проза Византии, переводившаяся на Руси уже с XI в., также давала материал для размышлений на религиозно-философские темы. Обо всем этом хотелось бы найти в книге А. И. Клибанова больше сведений, чем автор счел возможным поместить.

Среди гуманистических идей, бытовавших в сочинениях русских передовых мыслителей XV—XVI вв., А. И. Клибанов выделяет идею утверждения («самовластия») человека, восходящую еще к античным представлениям о нравственной свободе человека. Из этой идеи делались далеко идущие выводы, отрицавшие всю систему феодальной иерархии.

Автор Валаамской беседы (конец XVI в.) писал: «Мнози убо глаголют в мире, яко самоволна человека сотворя есть бог на сесь свет. Аще бы самовластия человека сотворил бог на сесь свет, и он был не уставе царей и великих князей и прочих властей»¹⁸.

Гуманистические представления о «самовластии» человека содержатся уже в Лаодикийском послании Федора Курицына и Написании о грамоте. Аналогичные мысли высказывал и Иван Семенович Пересветов. Эти идеи, как тонко подмечает А. И. Клибанов, родственны рассуждениям Пико делла Мирандола в программном документе итальянского гуманиста XV в. — речи о достоинстве человека, в которой центральным пунктом является провозглашение самовластия человека (стр. 349).

Гораздо менее определенные сведения сохранились о мотивах гедонизма в русской литературе конца XV—XVI в. В сборнике еретика конца XV в. Ивана Черного был помещен перевод сочинения о духовном рае византийского писателя Никиты Стифата (XIV в.). В сочинении содержится классификация человеческих потребностей (их деление на естественные и необходимые), которая восходит через византийских отцов церкви к греческому философу Эпикуру. Философия «приятия жизни», реабилитация плоти использовалась русскими вольнодумцами в их борьбе со средневековым аскетизмом и монашеством.

В своей защите человеческого достоинства гуманисты исходили из понятия единства человеческого рода на земле, выступая против расового или религиозного, а иногда даже и социального неравенства. Уже в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина А. И. Клибанов находит зародыши понятия о равенстве вер и народов. Афанасий Никитин фактически сводил все понятие правой веры к монотеизму. Он писал: «правую веру бог ведаеть, а правая вера бога единого знати, или его призывати на всяком месте чисту»¹⁹. Характерно, что клерикальный редактор «Хождения», живший в XVII в., изъясил это место, сомнительное с точки зрения ортодоксального православия, и подверг весь текст памятника сильной редакционной правке с целью искоренения из него следов вольнодумия и обличения инаковерующих (стр. 313—376). Чужд был религиозной нетерпимости и И. С. Пересветов, героем сочинений которого выступает мудрый правитель «неверный иноплеменник» Магмет-Салтан. Но наиболее последовательно выступал в защиту равенства народов и вер идеолог социальных низов, белгийский холоп Феодосий Косой, учивший, что «все люди едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочие языцы»²⁰.

Справедливо отмечая общие предпосылки возникновения и сходство основных философских вопросов, волновавших русских и западноевропейских гуманистов, А. И. Клибанов, на наш взгляд, недостаточно подчеркивает специфику тех явлений гуманизма, которые обнаруживаются в русской общественной мысли XV—XVI вв.

В России в это время в силу сравнительной отсталости социально-экономического развития удельный вес города как в общественно-политической, так и в культурной жизни был еще невелик. Процесс государственной централизации возглавлялся дворянством. Отдельные требования бюргерства формулировались передовыми дворянскими представителями. Все это придавало особый оттенок русской общественной мысли. В сочинениях московских еретиков конца XV в., в посланиях Федора Карпова и в трудах Ивана Пересветова, т. е. в памятниках гуманистической мысли, мы обнаруживаем еще незавершенность процесса высвобождения человеческой личности из пут церковной идеологии. Церковному авторитаризму противостоял не человек вообще, а светское суверенное государство. Мудрый и сильный человек выступал в качестве монарха или его сподвижника. Складывался, таким образом, своеобразный вариант гуманизма,

¹⁷ Подробнее см. А. А. Зимин. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. ТОДРЛ, т. XII, 1956, стр. 161.

¹⁸ Г. Н. Моисеев. Валаамская беседа. М.—Л., 1958, стр. 174—175.

¹⁹ «Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472». М.—Л., 1958, стр. 27.

²⁰ «Послание многословное. Сочинение инока Зиновья» М., 1880, стр. 143.

который можно было бы условно назвать политическим гуманизмом. Впрочем, этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

В целом монография А. И. Клибанова, новаторская как по основным выводам, так и по методике исследования, раскрывает просторы для постановки новых проблем истории русской общественной мысли XIV—XVI вв. В этом и состоит ее непреходящее значение для науки.

А. А. Зимин

**BIBLIOTHÈQUE NATIONALE, DÉPARTEMENT DES MANUSCRITS.
CATALOGUE DES MANUSCRITS GRECS. 3-ME PARTIE.**

Le Supplément grec, t. III, № 901—1371. Par Charles Astruc et Marie-Louise Concasty. Préface par Alphonse Dain. Paris, Bibliothèque Nationale, 1960, XIII, 789 p.

Национальная библиотека в Париже обладает самым богатым в мире собранием греческих рукописей, которое состоит из трех частей: Ancien fonds grec; Fonds Coislin; Supplément grec.

Ancien fonds grec (3117 рукописей) — основное и самое старое собрание греческих рукописей королевской библиотеки; оно было описано А. Омоном¹.

Fonds Coislin (389 рукописей) имеет два печатных каталога: первый был составлен Монфоконом², второй напечатан в 1945 г. библиотекарем Ватикана Робертом Деврэссом³.

Наконец, третья часть — Supplément grec (1371 рукопись), т. е. все греческие рукописи, поступившие в Национальную библиотеку после 1740 г. — даты, когда была открыта эта библиотека и когда был опубликован каталог ее собраний под названием: Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae regiae, t. I—II. Paris, 1740. (Описание греческих рукописей см. во втором томе.)

Эта последняя часть не была полностью описана в печати до выхода в свет рассматриваемого издания; 1329 номеров были ранее описаны А. Омоном в добавлениях к его уже названному выше каталогу, а 42 номера нигде не были описаны.

* * *

История этих двух собраний — Fonds Coislin и Supplément grec — различна: первое из них было составлено в XVII в. канцлером Пьером Сегье, от которого по наследству перешло к его внуку Анри дю Камбу (Henri du Cambou), герцогу Куаленю, епископу Мельскому; по завещанию герцога Куаленя его собрание перешло к бенедиктинцам Сен-Жерменского аббатства, а во время Великой Французской буржуазной революции поступило в Национальную библиотеку. Именно из этого собрания, как известно, происходит большое число средневековых латинских и французских рукописей, хранящихся в настоящее время в Отделе рукописей старейшего русского национального книгохранилища — Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Число греческих рукописей из библиотеки герцога Куаленя, находящихся в настоящее время в Ленинграде, невелико — всего семь; сведения о них (см. № 91, 188, 196, 212, 300, 350, 379) включены Деврэссом в его каталог, так как некогда эти рукописи входили в состав Fonds Coislin. К сожалению, Деврэсс ничего не сообщает о тех кодексах, которые в свое время попали к П. П. Дубровскому⁴, но были проданы им в Англию и в Данию, а потому не

¹ H. O m o n t. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, t. 1—3. Paris, 1886—1888. В предисловии к этому каталогу изложена история собрания.

² Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana, sive manuscriptorum omnium graecorum, quae in ea continentur, accurata descriptio. . . Studio et opera D. Bernardi de Montfaucon, presbyteri et monachi Benedictini e congregatione S. Mauri. Parisiis, 1715.

³ Bibliothèque Nationale. Catalogue des Manuscrits grecs, t. II. Le Fonds Coislin, par R. Devresse, scriptor de la Bibliothèque Vaticane. Paris, Imprimerie Nationale, 1945, XVI, 428 p. Этот каталог не получил в свое время никакого отклика в советской печати, поэтому считаю уместным сказать кое-что и о нем в настоящей рецензии.

⁴ Рукописи из Куаленевой библиотеки были привезены в Россию чиновником русского посольства во Франции П. П. Дубровским. О нем и его собрании см. Т. В. Луи з о в а. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ВИ, 1952, № 8, стр. 150—154.